

путей. В шести разделах данной части автор дал развернутый и красочный анализ действий португальцев в мусульманских землях (Индийском океане, Марокко, Индии, Малакке, Адене и на “золотых” путях к Центральной Африке), очень напоминавших крестовые походы и связанных не только с торговлей, но и с работорговлей и захватом опорных пунктов на афро-азиатском побережье, строительством крепостей и факторий, церковей и тюрем, попытками распространения христианства в промежутках между грабительскими налетами и поисками золота, пряностей и прочих раритетов для тогдашней Европы.

Последняя, восьмая часть посвящена архитектуре и искусству. В нее вошли такие разделы, как “Художественная культура Центральной Азии XIII–XV вв.” (Л.Н. Додхудоева), “Архитектура Афганистана” (В.Н. Карцев), “Искусство Османского государства в XIV – первой трети XVI в.” (Л.И. Саттарова), “Искусство Золотой Орды. Вторая половина XIII – первая четверть XV в.” (И.Л. Измайлов, Л.И. Саттарова) и др.

К сожалению, любое современное издание несвободно от неточностей, связанных с редактированием и корректурой текста. Особенно досадно, когда встречаются ссылки на источники, где утрачены страницы (см., например, т. 1, с. 188, примеч. 350). Но в целом двухтомник, пожалуй, по праву можно назвать энциклопедией “золотого века ислама”. И, что особенно ценно, в отличие от большинства современных сочинений, претендующих на подобный охват, в монографии выдержана иерархически структурированная проблематика, поэтому региональные разделы не производят впечатления сборника разрозненных статей, а каждый из них является частью методологически единого текстового пространства и составляет единую панораму эпохи.

А.В. РЯСОВ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. КАДДАФИ  
В СПЕКТРЕ “ЛЕВЫХ ВЗГЛЯДОВ”.  
М.: ИВ РАН, 2008. 328 с.

© 2010

В.И. ГУСАРОВ

Рецензируемая монография представляет собой комплексное фундаментальное исследование генезиса и идеологической трансформации “ливийского народовластия” в контексте “левой” политической традиции. Многоаспектный анализ официальной идеологии Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД), в фундамент которой были заложены тезисы “третьей мировой теории” М. Каддафи, изучение реальных механизмов джамахирийской политической системы, а также выявление основных тенденций исторической трансформации спектра “левых взглядов” создают условия для всестороннего понимания особенностей эволюции идеологических доктрин и позволяют уяснить ряд фундаментальных закономерностей мифологизации обыденного сознания в XX столетии.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Во введении автор формулирует исходные положения своего оригинального исследования и намечает те теоретические пути, по которым оно будет происходить. Прежде всего он определяет рамки самого понятия “левые взгляды”, необходимого для раскрытия всей темы монографии. Он констатирует, что содержание этого понятия, объединяющего широкий спектр течений политической мысли, и в момент своего возникновения не имело фиксированного содержания, а в дальнейшем неоднократно трансформировалось и пересматривалось. Если даже воззрения отдельных “левых” философов значительно модифицировались в течение их жизни, то идентичные изменения выступали в качестве закономерных для развития целого пласта политической мысли, что лишней раз подчеркивало его динамизм в контексте менявшейся социально-политической обстановки, требовавшей переоценки многих, начинавших казаться изжившими себя ценностей.

Таким образом, отсутствие четкого определения понятия “левые взгляды” дает основания исследователям разных времен и разных стран по-своему и весьма вольно его толковать и вставлять в указанные рамки весьма отличные друг от друга характеристики. Так, на Арабском Востоке стержневыми элементами “левой мысли” и основанной на ней практики политического действия стали антиколониализм и национализм. А в Ливии как части арабского мира ими стали антиимпериализм, антисоветизм и ориентация на ценности родоплеменного общества.

Автор определяет “левые взгляды” не как устоявшийся термин, а как “единую традицию”, включающую в себя целый комплекс идей, понятий и представлений. Многие из них широко известны и сомнений не вызывают. Но вот положение о критике наемного труда как главного препятствия на пути к социальному равенству вызывает разного рода сомнения и требует более обстоятельного научного обоснования.

Почти треть рецензируемой монографии занимает глава I «“Левые взгляды” в политико-философских доктринах XIX–XX вв.: генезис, эволюция, делегитимация». Она выполняет роль дальнего фона представленного исследования и готовит читателя к восприятию его основного содержания. Ближним же фоном и исходным рубежом собственно предмета исследования является глава II «“Левые взгляды” в Ливии: предпосылки появления». Здесь автор отмечает, что концепция “ливийского народовластия” как одного из оформленных вариантов ливийской “левой мысли” появилась в период “расцвета” на Арабском Востоке теорий “государственного социализма национального типа”. Эта концепция имела свою специфику, связанную с особенностями традиционных ливийских социальных институтов

Исходя из этого, автор проводит обстоятельный анализ предпосылок зарождения “левых взглядов” в Ливии на фоне социально-политических изменений, происшедших в стране в первой половине XX в., а затем – после 1969 г. Он прослеживает многовековую эволюцию становления племен как центрального звена ливийского социума и приходит к важным выводам о том, что “к середине XIX в. лишь на Средиземноморском побережье функционировали структуры, напоминавшие государство в его современном понимании, а на большей части территорий Ливийской пустыни продолжали господствовать родоплеменные социальные отношения. Наибольшей целостностью отличались племенные образования на северо-востоке страны, в Киренаике. Большую часть ливийских племен составляли арабские, но имелись и берберские (в том числе туарегов), а также племена выходцев из соседних стран Африканского материка” (с. 138).

В следующем разделе автор рассматривает процессы формирования сенуситской элиты и идеологии сенуситов, отмечая, что во второй половине XIX в. они пользовались серьезным политическим влиянием во внутренних районах османских провинций. Значительной спецификой эти процессы стали отличаться в колониальный период истории Ливии и в годы Второй мировой войны. Ситуация принципиально меняется после достижения страной государственной независимости и открытия в ее недрах огромных запасов нефти. Автор весьма уместно приводит положение из монографии долго работавшего в Ливии С.А. Товмасына “Ливия на пути независимости и социального прогресса” (М., 1980) о том, что “открытие месторождений и бурный рост добычи нефти изменили лицо общественных классов и слоев, ускорили процессы социальной дифференциации” (с. 149).

Во многом этому способствовало проникновение в Ливию социализаторских идей Г.А. Насера и баасистов, относимых к категории “левых взглядов”. Эти идеи оказались посеянными на благодатную почву армейской среды, в которой нашла базу интеллектуальная элита Ливии. В 1964 г. состоялся I съезд нелегальной организации “Свободные офицеры юнионисты-социалисты” (ОСОЮС), которую основали курсанты Бенгазийского военного колледжа во главе с М. Каддафи. Эта организация восприняла лозунг египетской революции 1952 г. – “единство, свобода, социализм”, а работа Г.А. Насера “Философия революции” укрепила их убеждения в необходимости реализации политических целей путем вооруженной борьбы. На протяжении 1967–1968 гг. ОСОЮС, реализуя на практике освоенные идеологические установки, разработала свою организационную структуру, что заметно повлияло на активизацию подпольной антимонархической пропаганды в армии.

А.В. Рясков отмечает, что “в 1969 г., когда на сторону ОСОЮС перешла значительная часть молодых офицеров крупных гарнизонов, лидеры подпольного движения, по-видимому, осознали, что обладают определенной силой, чтобы начать конкретную подготовку к вооруженному восстанию с целью захвата политической власти” (с. 156). Такой захват состоялся 1 сентября 1969 г.: «Революция носила бланкистский характер вооруженного заговора, изолированного деяния контрэлиты с целью захвата власти: свержение монархии было подготовлено и проведено узкой группой офицеров при поддержке ряда военных гарнизонов без непосредственного участия “революционных масс” и при фактическом отсутствии организованного сопротивления со стороны королевского режима» (с. 157).

Обстоятельно проанализировав многочисленные процессы становления республиканского режима и формирования идеологической платформы так называемого народовластия, автор делает промежуточный вывод первых лет функционирования нового режима: «То, что происходило в

Ливии в 1969–1973 гг., в целом вписывалось в практику “государственного социализма” и во многом напоминало процессы, имевшие место в Египте при Насере. Однако бюрократизация ливийского АСС (Арабского Социалистического Союза. – *В.Г.*) привела к кризису республиканской формы правления, выход из которого ливийский лидер увидел не в “политике открытых дверей” А. Садата, а в учреждении системы “народовластия” – Джамахирии, которая сделала возможным дальнейшее укрепление кадафиевского режима и превращение Ливии в национальное государство» (с. 173).

К заявленному предмету исследования А.В. Рясов переходит в главе III – «“Третья мировая теория” М. Каддафи как вариант “левой мысли”: сущность и эволюция». Он считает, что концепция “ливийского народовластия” представляет собой одну из арабских социалистических доктрин, а “левые взгляды” как спектр политической мысли оказались представлены исключительно в идеологических разработках революционной элиты.

В начале 1970-х гг. в Ливии появились массовые издания, в которых впервые воззрения М. Каддафи стали называться “третьей мировой теорией”. В 1973 г. в свет вышла брошюра под названием “Третья мировая теория: священная концепция ислама и народная революция в Ливии”. По мнению автора, на этапе становления новой идеологии в ее основу были заложены исламские ценности, однако помимо религиозных постулатов весомую роль в “третьей мировой теории” постепенно начали играть национализм и “ливийский социализм”. Эта теория декларировала некий “особый путь” политического развития Ливии. При этом концепция “ливийского народовластия” представала не в форме “отвлеченной” социальной теории, а в виде “идеологического оружия, направленного против Запада и СССР.

В дальнейшем М. Каддафи формулирует некоторые принципы “третьей мировой теории”, развешиваемые им в “Зеленой книге” и нескольких других работах. Основные из них сводятся к следующим положениям: неприятие представительной демократии и диктатуры одного класса, провозглашение “народовластия”, необходимость создания новых политических институтов – народных комитетов. В реальности, однако, осуществление указанных и других принципов “народовластия” завершилось провалом. Это объяснялось тем, что теория была сформулирована поспешно, а многие ее формулировки были расплывчатыми и допускали разноплановые толкования.

На протяжении 1976–1979 гг. вышло три части “Зеленой книги”. В первой из них – “Решение проблемы демократии (власть народа)” – М. Каддафи критически проанализировал основные составляющие либеральной и марксистской моделей и в качестве альтернативы им выдвинул видоизмененный вариант своей концепции “прямого народовластия”, осуществляемой на основе народных конгрессов и народных комитетов. Во второй части – “Решение экономической проблемы (социализм)” – он представил в своем понимании экономические основы “ливийского народовластия”, которое якобы лишено недостатков, присущих как капиталистической, так и коммунистической системе, и которое их заменит. В третьей части – “Общественный аспект третьей мировой теории” – М. Каддафи излагает свои точки зрения на такие социальные понятия, как личность, семья, племя, нация, и выдвигает свои модели организации систем образования и социального досуга.

А.В. Рясов совершенно справедливо, на мой взгляд, отмечает: «Несмотря на попытки М. Каддафи представить концепцию “ливийского народовластия” как универсальную модель социального развития, “третья мировая теория”, безусловно, была рассчитана в первую очередь на потребление внутри Ливии. М. Каддафи пытался коррелировать собственные теоретические разработки, свою модель модернизации “левого типа” с племенным менталитетом ливийцев... Элите (новой, постмонархической. – *В.Г.*) необходимо было создать учение, понятное широким слоям населения, но при этом освященное авторитетом науки. Поэтому игнорирование намеренного примитивизма “третьей мировой теории”, не принимающее во внимание социокультурных условий, в которых развивалась эта концепция, кажется не совсем обоснованным» (с. 184). Думаю, А.В. Рясов прав, когда утверждает, что «... концепция “ливийского народовластия” стала представлять собой “экзотический” вариант модернизации “левого типа” среди многочисленных немарксистских теорий “арабского социализма”» (с. 185). В порядке объективности скажу, что поиск “места” модели “ливийского народовластия” в спектре “левых взглядов” представляется вполне допустимым.

Автор проводит тщательный сравнительный анализ различных аспектов концепции М. Каддафи с аналогичными теоретическими положениями арабских, европейских и русских “левых” теоретиков. Рамки рецензии не позволяют подробно остановиться хотя бы на части таких срав-

нений. Приведу лишь такой пример. Критически проанализировав существующие политические системы, М. Каддафи пришел к выводу, что либеральная демократия – “это наиболее жесткая и беспощадная форма диктаторского режима”. В условиях начала XXI в. подобные сентенции могут рассматриваться как совершенная нелепица и абракадабра. Ниже М. Каддафи переходит от отрицания практики референдумов к неприятию любых форм “представительной демократии”, проявляя тем самым на деле свою диктаторскую сущность.

В качестве радикальной альтернативы «“представительной демократии” М. Каддафи выдвинул собственную концепцию – “прямой демократии”, осуществляемой посредством системы народных комитетов и конгрессов... Однако изложение принципов “прямой демократии” не отличалось цельностью: фактически ливийский лидер не привел ее системного и исчерпывающего описания – джамахирийская модель организации общества на страницах “Зеленой книги” и других идеологических изданий оказалась рассредоточенной по разным разделам» (с. 195–196).

Большое место в этом разделе монографии автор не без оснований отводит деятельности так называемых революционных комитетов, членами которых могли становиться исключительно преданные джамахирийской идеологии личности (читай – сотрудники спецслужб). «На практике революционные комитеты в Ливии, объединенные под эгидой Центрального революционного комитета, стали не только важным средством идеологизации масс, но и основной политической и социальной опорой режима и выступили инициаторами выявления “предателей народа”, получив неограниченную власть в борьбе с потенциальной оппозицией», – пишет А.В. Рясов и продолжает: «...именно революционные комитеты стали главным “орудием” джамахиризации Ливии, основным строителем нового социалистического общества, по сути выполняя ту же самую роль, что и большевистская партия в модели власти Советов» (с. 201–202).

Далее автор подробно образом анализирует такие аспекты концепции М. Каддафи, как закон, религия, армия, полиция, средства массовой информации, образование и культура, понятия “социализм” и “свобода”, собственность, государство, нация. Так, в разделе о СМИ А.В. Рясов подмечает отрицание М. Каддафи таких основополагающих принципов демократического развития, как “свобода слова” и “свобода печати”, присущее всем тоталитарным государствам: «на практике любая аргументированная критика каддафиевской системы “народовластия” в официальных изданиях (а также теле- и радиопрограммах) оказалась невозможной» (с. 217). При анализе раздела о понятиях “социализм” и “свобода” в теоретических воззрениях М. Каддафи автор приходит к выводу, что эти понятия «фактически дублировали (хотя и в вульгаризированной форме) ряд положений классиков “левой мысли”, в том числе и К. Маркса» (с. 231).

Глубокое прочтение и проникновение в суть исследуемой темы дало А.В. Рясову возможность выявить и другие противоречия в работах М. Каддафи. Он, в частности, пишет: «утверждая в первой части “Зеленой книги”, что “государственная администрация исчезает и на смену ей приходят народные комитеты”, в третьей части своего главного идеологического труда М. Каддафи пришел к выводу о том, что “существование государства продиктовано политической необходимостью» (с. 241).

Целый раздел третьей главы автор отводит критике апологетики “ливийского народовластия”. Он подчеркивает, что по мере укрепления джамахирийского режима политическая элита Ливии «все больше начинала претендовать на роль авангарда не только арабских “левых сил”, а “левого движения” в целом, представляя концепцию “ливийского народовластия” как единственную и безупречную модель социалистической модернизации» (с. 243).

Анализ политической концепции М. Каддафи завершается в главе IV – «Эволюция идеологической парадигмы джамахирии: от “бланкизма” к либерализации», где четко констатируются постоянные расхождения между теорией и практикой джамахирийского строительства, между словом и делом ливийского руководства: «Выработав политическую стратегию и контурно наметив тактику действий, члены Совета революционного командования (СРК) тем не менее не всегда представляли себе возможные практические трудности ее реализации. Разработка идеологических принципов и их претворение в жизнь развивались параллельно, и вполне закономерно, что в этих условиях возникала диспропорция между лозунгами “ливийского народовластия” и их реализацией на практике. Однако большинство положений “Зеленой книги” были сформулированы чрезвычайно абстрактно и допускали самую разнообразную интерпретацию» (с. 249).

Эти противоречия между теорией и практикой проявлялись, в частности, и во внешней политике Каддафи. Так, несмотря на резкий антиимпериалистический курс, ливийское руководство предпочитало развивать торгово-экономическое сотрудничество с развитыми странами Западной Европы. “Ливийский социализм” не находил понимания даже в арабском мире, “явно не

импонирует большинству политических элит в качестве идеологического базиса национальной консолидации арабов, что предопределяло тупиковый финиш стремлений М.Каддафи» (с. 276).

Прослеживая процесс эволюции ливийского режима, автор делает принципиальный вывод о том, что в 1990-е гг. он оказался в состоянии международной изоляции: «Резкий антизападный курс не мог не вызвать противодействие со стороны неолибералов, а амбиции духовного лидера всех революционных движений мира сделали М. Каддафи одиозной фигурой в глазах большинства “левых”. После распада СССР и окончания противостояния двух политических систем на международной арене Ливия потеряла и своих потенциальных коммунистических союзников, что нанесло серьезный удар по осуществлявшейся корректировке идеологического курса, направленного в 1980–1990-е гг. на примирение с марксизмом. Кроме того, распад коммунистических режимов одновременно явился фактическим крахом идеологии национального развития, что также нанесло удар по ряду положений “третьей мировой теории”» (с. 285–286).

Под давлением этих обстоятельств и многих других факторов М. Каддафи был вынужден окончательно отказаться от всякого рода “левых взглядов”. В июне 2003 г. он объявил новый курс в стране на “народный капитализм”, в рамках которого нефть как всенародная собственность должна была подлежать приватизации. Более того, ливийский лидер допустил возможность привлечения иностранных экспертов к руководству нефтяными компаниями и европейского капитала в развитие экономики страны. Отмена государственной собственности, согласно замыслу М. Каддафи, должна была охватить все сферы экономики, включая нефтедобычу, транспорт, банки.

За призывом к экономическим реформам, направленным на построение “народного капитализма” и полную ликвидацию госсектора в экономике, последовали реальные практические мероприятия: в Ливии началась широкомасштабная кампания по приватизации предприятий. Кроме того, М. Каддафи призвал к развитию свободной торговли, привлечению инвестиций в сферу обслуживания и созданию разветвленной индустрии туризма как главной альтернативы доходам от продажи нефти. В течение 2004 г. Ливию посетили бизнесмены из США, Великобритании, Франции, Бельгии и других европейских стран. Основной целью этих визитов стало расширение перспектив для взаимодействия в сфере инфраструктуры, электроэнергетики, нефти, водоснабжения, средств связи, образования и туризма.

Решительные шаги по приватизации сотен государственных предприятий последовали незамедлительно. Секретарь правительства Ш. Ганем заявил: “Ливия осознала, что, возможно, ценой, которую придется заплатить за экономическое развитие, станет небольшая степень социальной несправедливости... Однако если человек хочет экономического развития, то ему придется пожертвовать небольшой частью социальной справедливости” (с. 298). Конечно, эти экономические реформы во многом представляли собой перераспределение привилегий в рамках правящей элиты, продолжавшей контролировать экспортно-импортные квоты и крупнейшие промышленные объекты.

А в области идеологии, как справедливо, на мой взгляд, отмечает автор, произошли кардинальные изменения, предполагавшие полный отказ от прежних установок. «Слово “народный” в заглавии нового политического курса явилось лишь важным идеологическим рудиментом, по-видимому призванным сгладить поворот в стратегии ливийского руководства. По существу, в новых условиях само название “третья мировая теория” становилось не совсем подходящим для государственной идеологии Ливии, так же как и слово *социалистическая* в официальном “списке титулов” джамахирийского государства» (с. 299).

Неоднократно посещая Ливию в 1960, 1970 и 1980-е гг., рецензент мог воочию наблюдать, как под воздействием описанных выше джамахирийских экспериментов социально-экономическая ситуация в стране постоянно ухудшалась. Если до 1 сентября 1969 г. и в первый период после этой даты экономическая жизнь буквально бурлила во всех ее проявлениях, то уже к концу 1980-х гг. она фактически заглохла, а полное изобилие товаров и услуг закончилось пустыми и запыленными прилавками. Несмотря на имеющийся мировой опыт негативного воздействия применения “сухого закона”, в Ливии он был введен, и представители разных социальных слоев прилагали и прилагают большие усилия, чтобы его обходить.

Анализ же экспериментов ливийского руководства сводится примерно к тем же выводам. Всякое отклонение от универсального закона стоимости, спроса и предложения, какими бы идеологическими изысками ни прикрывалось, обречено на провал. Его можно отсрочить, оттянуть на больший или меньший срок, но он неизбежно наступит, что отчетливо показано А.В. Рясовым.